

Брагин А.В.

Ивановский государственный энергетический университет

В.С. Соловьев о диалектике Добра и зла в свете эсхатологии и современность

В эпоху затяжного системного цивилизационного кризиса переживаемого современным человечеством особую актуальность приобретают мысли высказанные В.С. Соловьевым в конце XIX века по поводу диалектики Добра и зла в свете эсхатологии. Концентрированное выражение идеи В.С. Соловьева по этому поводу получили в его труде, посвященном памяти Н.М. Лопатина и А.А. Соколова, «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями», работа над которым началась еще в 1899 г., а первая публикация относится к 1900 году. Указанный труд В.С. Соловьева, написанный под влиянием христианских эсхатологических предчувствий прихода Антихриста и Конца Света, как бы посвящен ответу на вопрос: «Есть ли зло только естественный *недостаток*, несовершенство, само собою исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная *сила*, посредством соблазнов *владеющая* нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точ-

ку опоры в ином порядке бытия?». Причем автор специально подчеркивает, что ответ на него может дать только «целая метафизическая система».¹ И надо сказать, что В.С. Соловьев планировал вернуться к данной теме с целью ее углубленной проработки, чему, однако не суждено было осуществиться. Заметим, что и при определенной фрагментарности «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории», высказанные В.С. Соловьевым мысли по поводу диалектики Добра и зла очень глубоки и могут открываться внимательному читателю все новыми гранями. В данной статье внимание будет акцентировано на том, что открылось при очередном прочтении указанного труда В.С. Соловьева автору.

В «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьев резко выступает против все более заявляющих о себе отечественных либералов, которые или объявляют все ценности относительными, или опираются на некие абстрактные общечеловеческие ценности, близкие *по видимости* христианским, но *принципиально отличные* от них. Он подчеркивает, что сторонники либеральных ценностей, насмешливо называемые им «интеллигентными дремолями», проповедуют «христианство без Христа» и евангелие, т.е. «благую весть», «без того блага, о котором стоило бы возвещать»². Такая проповедь по его мнению особенно социально опасна. Поэтому в своих «Трех разговорах...» В.С. Соловьев считает возможным даже прямо заявить: «Ввиду заражения нравственной атмосферы систематической ложью, общественная совесть громко требует, чтобы дурное дело было названо своим настоящим именем».³ В.С. Соловьев пишет в этой связи: «Я глубоко убежден, что слово обличения неправды, до конца договоренное, если оно и совсем ни на кого сейчас же не произвело доброго действия, все-таки есть, сверх субъективного исполнения нравственного долга для говорящего, еще и духовно-ощутительная санитарная мера в жизни целого общества, существенно полезная ему и в настоящем, и в будущем».⁴ Здесь необходимо особо отметить, что форма «Трех разговоров...» - форма полилога-дискуссии видимо, не случайна, В.С. Соловьев не просто пытался обличить либеральные ценности перед лицом общественности, но – преодолел их в самом себе (то, что эволюция его мировоззрения шла именно в этом направлении имеет свое выражение в явном изменении отношения к смертной казни⁵).

Поскольку по мысли В.С. Соловьева в последние времена истории даже избранных попытаются «если возможно, соблазнить к великому отступлению», то показать заранее «обманчивую личину, под которой скрывается злая бездна», есть высший замысел автора при написании «Трех разговоров...»⁶. В своей полемически заостренной работе он попытался «ярко высветить связанные с вопросом о зле, жизненные стороны христианской истины, на которые с разных сторон напускается туман...»⁷. Эти мысли, о природе зла и нравственно допустимых средствах его преодоления, взволновали мыслящую часть российского общества в начале XX века, волнуют и сегодня, а попыток напустить «тумана» со стороны духовных преемников «интеллигентных дырмоляев», подготавливающих приход Антихриста, не стало меньше. Подчеркнем, что хотя эпоха, когда жил и творил В.С. Соловьев отдалена от нас более чем столетним интервалом, однако высказанные им мысли не только не утрачивают своей актуальности, но и приобретают новое звучание и значимость. Попытаемся выяснить, что актуального и важного можно извлечь из указанной работы В.С. Соловьева в плане адекватного понимания духовной ситуации в начале XXI века в мире и России.

Итак, «**Разговор первый**» посвящен дискуссии по, казалось бы, несущественному поводу – *можно ли русскому человеку «по-прежнему почитать существующую армию за достославное христолюбивое воинство»*⁸. В начале XX века такой вопрос звучал как чисто риторический и серьезно по существу не воспринимался. Поэтому, В.С. Соловьев тщательно раскрывает его принципиальный смысл. Высказываясь от лица одного из героев своего произведения – «Генерала», он подчеркивает, что дело тут не в терминологии. Дело в том, что каждый военный человек раньше твердо знал его профессиональные обязанности не просто полезны, как полезна, например деятельность ассенизатора, но «в высоком смысле хорошему, благородному почетному делу, которому всегда служили самые лучшие, первейшие люди, вожди народов, герои»⁹. Теперь же в общественном сознании насаждается либеральными кругами, игнорирующими тот факт, что «война не есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро»¹⁰, представление о военной службе как о деле в целом злом, пока что терпимом и не более того. Принципиальная суть переворота в отношении к военной

службе в начале XX века заключалась в том, что она лишалась своей нравственно религиозной санкции. В связи с этим В.С. Соловьев делает чрезвычайно значимые, актуально звучащие и сегодня выводы о необходимо наступающих практических последствиях такого отношения к военной службе. Он пишет: «Если на военную службу все, начиная с начальства, станут смотреть как на неизбежное *покуда* зло, то, во-первых, никто не станет добровольно избирать военную профессию на всю жизнь, кроме разве какого-нибудь отребья природы, которому больше деваться некуда; а во-вторых, все те, кому поневоле придется нести временную военную повинность, будут нести ее с теми чувствами, с которыми каторжники, прикованные к своей тачке, несут свои цепи. Извольте при этом говорить о боевых качествах и о военном духе».¹¹ Действительно, в таких условиях, самое совершенное оружие, в каких бы больших количествах не находилось на вооружении армии, теряет свое значение, а его КПД близок нулю. Свидетельством тому, в частности недавние события в Ираке, когда армия Саддама Хусейна имевшая огромные запасы современного вооружения практически капитулировала перед армией США, так и не пустив по-настоящему в ход ни ракеты, ни самолеты, да и остальное вооружение использовала крайне не эффективно.

Следует особо подчеркнуть, что абсолютно неудовлетворительны абстрактно гуманистические антивоенные обоснования либералов не только с практической, но и с теоретической точки зрения. Используемые ими утверждения что «война – зло» и «все люди – братья» верны лишь в абстракции, в оторванности от конкретных условий. Вот как по этому поводу остроумно и метко высказывается от имени своего героя – «Генерала» С.В. Соловьев: «Все люди - братья. Прекрасно. Очень рад. Ну а дальше-то что? Ведь братья-то бывают разные. И почему же мне не интересоваться, кто из моих братьев Каин и кто Авель? А если на моих глазах брат мой Каин дерет шкуру с брата моего Авеля и я именно по равнодушию к братьям дам брату Каину затрещину, чтобы ему больше не до озорства было, - вы вдруг меня укоряете, что я про братство забыл».¹² Отметим, что как во времена «Генерала», так и сегодня «интеллигентными дрмолями» упреки в антигуманности адресуются, конечно, не всем. По законам двойного стандарта подобные

упреки адресуют обычно лишь «нецивилизованным народам», тем, кто не принимает стандарты жизни, навязываемые Западом.

«Разговор второй» В.С. Соловьев посвятил в основном дискуссии по поводу вопроса чрезвычайно актуального и сегодня - вопроса *о европейской культуре как эталоне общечеловеческой культуры и о цивилизаторской миссии в политике принадлежащих европейской культуре стран*, в связи с чем была поднята *проблема специфики русского народа и русской государственной политики*. Устами одного из своих героев – «Политика», В.С. Соловьев, озвучивает позицию российских западников, утверждающих: «Понятие *европеец*, или, что то же, понятие *культура*, содержит в себе твердое мерило для определения сравнительного достоинства или ценности различных рас, наций, индивидов. Эти различия оценок здравая политика непременно должна принимать в расчет», т.е. должен существовать двойной стандарт в оценке деятельности «цивилизованных» и «нецивилизованных» народов.¹³ Доморощенные западники призывали в начале XX века, как и сегодня, бесповоротно признать, «что настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*»,¹⁴ более того – «Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества. В этом смысл истории... Европейец – это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом».¹⁵

Отсюда и практические выводы в отношении российской государственной политики, которая не может быть самостоятельной по определению и должна выражать лишь общеевропейское. «Политик» прямо заявляет, что «никакой особой политики у нас ... нет и быть не может».¹⁶ Суть этой политики должна заключаться в том, чтобы русским «добросовестно трудится над культурным прогрессом варварских государств» в едином строю со всеми «цивилизованными» народами, внося в это посильную лепту. В процессе такого труда «мы стягиваем узы солидарности между нами и другими европейскими нациями, а укрепление этого европейского единства в свою очередь усиливает наше действие на варварские народы, отнимая у них самую мысль о возможном сопротивлении».¹⁷ Здесь так и видятся сегодня недавние натовские операции по насаждению демократии в Югославии, Афганистане и Ираке. В рассматриваемом аспекте необходимо отметить, что российская

политика с точки зрения указанных выше позиций и сто лет спустя все еще недостаточно «европейская» в силу видимо сохраняющейся «нашей сравнительной отсталости в гражданском, промышленном и торговом отношениях»¹⁸.

В ответ на заявленную выше прозападную позицию, один из соловьевских героев «Трех разговоров...» - «Дама», резонно отмечает, что сами-то европейцы что-то так рьяно, как это требуется от россиян, к России европейскую солидарность не проявляют, даже сосем напротив. Она спрашивает «Политика»: «А ведь ваши же европейцы сочувствовали кавказским горцам, когда они воевали с нами за свою независимость. А Россия все-таки гораздо культурнее черкесов».¹⁹ На этот существенный вопрос вразумительного ответа, однако, не последовало. Что, несомненно, знаменательно и не случайно, - на него не могут вразумительно ответить и современные эпигоны соловьевского «Политика» по поводу современных чеченских событий и позиции стран Запада.

Далее разговор по поводу европейской культуры переходит у В.С. Соловьева в тему практического, нравственного аспекта культуры. С точки зрения «Политика» европейская культура базируется на вежливости или учтивости, как единственных всеобщих, обязательных и необходимых основах всякой культуры, социальности. «Политик» говорит в этой связи: «Нельзя ни от кого требовать, ни высшей добродетели, ни высшего ума или гения, но можно и должно требовать от всех учтивости. Это есть тот *минимум* рассудительности и нравственности, благодаря которому люди могут жить по-человечески».²⁰ Причем здесь оказывается ненужным то «в человецех благоволение», евангельская любовь между людьми, на которые, дискутируя с «Политиком», указал «Генерал» как на необходимые условия всеобщей солидарности и мира.²¹ «Политик», развивая свои рассуждения, весьма, казалось бы, справедливо указывает, что «настоящая культура требует, чтобы всякая драка между людьми и между нациями была вовсе упразднена. Во всяком случае, мирная политика есть мерило и симптом культурного прогресса».²² В этом заявлении, т.о. намечается тема третьего разговора.

«Разговор третий» как бы интегрирует все высказанное в предыдущих разговорах в единое целое, *поднимая проблему культурного прогресса человечества, находящего свое выражение в*

рассмотренных выше значимых социальных вопросах. «Г [-н] Z» подхватывая, высказанную в «Разговоре втором», мысль «Политика» о культурном прогрессе, мирной политике как «симптоме», вдруг объявляет сам культурный прогресс симптомом. Он говорит: «Прогресс, то есть заметный ускоренный прогресс, есть всегда *симптом конца*», процесс истории человечества «несомненно, стал идти ускоренным темпом и... приближается к своей развязке».²³ Исходя из традиционной христианской эсхатологии, В.С. Соловьев, словами «Г [-н] Z» подчеркивает, что антихристианство последних времен, обозначающее собой последний акт исторической трагедии», «будет не просто неверие, или отрицание христианства, или материализм и тому подобное, а... это будет религиозное самозванство, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его».²⁴ Суть осуществляемого этими силами извращения христианских ценностей в том, что в общественном сознании будет стираться основополагающая грань между Добром и злом, Истиной и ложью. В то время как объективно существует «хороший, Христов мир, основанный на том разделении, что Христос пришел принести на землю, именно на разделении между добром и злом, между истиной и ложью»; и тем, что «есть дурной, мирской мир, основанный на смешении, или внешнем соединении, того, что внутренне враждует между собою».²⁵

На указанное выше смешение того, что «внутренне враждует между собой» направлена, по мысли В.С. Соловьева, и проповедь личного нравственного самосовершенствования при неприменном непротавлении злу, как обязательном условии такого самосовершенствования. В связи с этим, участник разговора «Г [-н] Z» спрашивает: «Вы думаете, что стоит только добрым людям самим становиться еще добрее, чтобы злые теряли свою злобу, пока, наконец, не сделаются тоже добрыми?»²⁶ В ходе активного обсуждения участники разговора приходят к выводу, что «действительное благодеяние, в конце концов, увеличивает добро в добром и зло – в злом», почему и нельзя «всегда и без разбора давать волю своим добрым чувствам».²⁷

Далее «Г [-н] Z» вступает в дискуссию с «Князем» (такое обозначение участника разговора возможно намек на «князя мира сего»), отстаивающим позицию непротавления злу насиллем. Он риториче-

ски вопрошает его: «По-вашему, если мы не будем сопротивляться злу силою, то зло сейчас же исчезнет. Значит, оно держится только нашим сопротивлением или теми мерами, которые мы принимаем против зла, а собственной действительной силы оно не имеет»?²⁸ И «Г [-н] Z», отталкиваясь от социальной практики, справедливо отмечает (в связи с положительным ответом «Князя» на свой вопрос): «Какая странность: несуществующее зло всегда торжествует, а добро всегда проваливается в ничтожество». При этом он высказывает обоснованное удивление: «Каким образом люди умудряются, стоя исключительно на почве явной, текущей действительности и, следовательно, признавая явный перевес зла над добром, вместе с тем утверждать, что зла нет и что, следовательно, с ним не нужно бороться».²⁹

Указывая на недостаточность только лишь обоснованной разумом «учливости», для торжества добра, «Г [-н] Z» говорит, что «если добро исчерпывается исполнением «правила», то нет тут места для вдохновения, а без него нет и добра».³⁰ В связи с этим В.С. Соловьев словами своего персонажа подчеркивает: «Голос совести, при всем своем значении как предостерегателя и ускорителя, не дает положительных и практических определенных указаний для нашей деятельности и наша добрая воля нуждается в уме как служебном орудии, а между тем ум оказывается для нее сомнительным слугою, так как он одинаково способен и готов служить двум господам – добру и злу», отсюда необходимость еще и «вдохновения добра», «или прямое и положительное действие самого доброго начала на нас и в нас».³¹ Только последний фактор обеспечивает интегрирование первых двух и, как следствие, ведет к жизни в «самом добре» и сопровождается «органическим ростом и совершенствованием целого человека – внутреннего и внешнего, лица и общества, народа и человечества, чтобы завершиться живым единством воскрешаемого былого осуществляемым будущим в том вечном настоящем царства Божия, которое хотя будет и на земле, но лишь на новой земле, любовно обрученной с новым небом».³² Очень плохо и трагично, если в жизни общества нет места не только «вдохновению добра», но и «учливости», тогда остается только уповать на милость Божию и ожидать утверждения «новой земли».

- ¹ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. М., 1994. С.316.
- ² Там же. С.317.
- ³ Там же. С.318.
- ⁴ Там же. С.320.
- ⁵ См., например, историю рассказанную «Генералом», о наказании им тысяч башибузуков замучивших мирных армянских женщин и детей. – Там же. С.339-345.
- ⁶ См.: там же. С.323.
- ⁷ Там же. С.316.
- ⁸ См.: там же. С.325.
- ⁹ Там же. С.325.
- ¹⁰ Там же. С.330.
- ¹¹ Там же. С.329-330.
- ¹² Там же. С.345.
- ¹³ Там же. С.375.
- ¹⁴ Там же. С.374.
- ¹⁵ Там же. С.375.
- ¹⁶ Там же. С.369.
- ¹⁷ Там же. С.371.
- ¹⁸ Там же. С.369.
- ¹⁹ Там же. С.377.
- ²⁰ Там же. С.379.
- ²¹ См.: там же. С.371.
- ²² Там же. С. 380.
- ²³ Там же. С.382.
- ²⁴ Там же. С.385.
- ²⁵ Там же. С.387.
- ²⁶ Там же. С.387.
- ²⁷ Там же. С.393.
- ²⁸ Там же. С.402.
- ²⁹ Там же. С.403.
- ³⁰ Там же. С.408.
- ³¹ Там же. С.407.
- ³² Там же. С.407.